

*Рассказы
о поиске Бога*

Владимир Крутин

ВРЕМЯ ГОРЯЩЕЙ СПИЧКИ

ЭКСМО

Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 84

В оформлении переплета использовано фото
из архива автора

Крупин В. Н.

К 84 **Время горящей спички : сборник / Владимир Кру-**
пин. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Религия. Расска-
зы о поиске Бога).

ISBN 978-5-699-66361-3

Знаменитый представитель «деревенской» прозы, Владимир Крупин одним из первых создал жанр, в котором успешно работает Архимандрит Тихон Шевкунов (автор бестселлера «Несвятые святые»). И совсем не случайно Крупин стал первым лауреатом Патриаршей литературной премии — высокой духовной награды.

Уже четверть века талант Крупина служит спасению людей от засилья массовой культуры, и главное в этом — понимание краткости земной жизни и вечной жизни души.

В книге собраны лучшие рассказы и повесть «Передай по цепи», главная мысль которой такова: Россия сейчас — центр христианского мира, Россию спасет вера, у России есть высокое предназначение: быть духовным центром современного человечества.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-66361-3

© Крупин В., текст, 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

РАССКАЗЫ

АЛЕШИНО МЕСТО

В нашей церкви долгие годы прислуживал батюшке Алеша, одинокий и, как казалось, несчастный горбун. Ему на войне повредило позвоночник, его лечили, но не вылечили. Так он и остался согнутым. Еще и одного глаза у него не было. Ходил он круглый год в валенках, жил один недалеко от церкви, в боковушке, то есть в пристройке с отдельным входом.

Он знал наизусть все церковные службы: литургию, отпевание, венчание, крещение, был незаменим при водоосвящении, всегда точно и вовремя подавал кадило, кропило, выносил свечу, нес перед батюшкой чашу с освященной водой — одним словом, был незаменим. Питался он раз в сутки, вместе с певчими в церковной сторожке. Казалось, что он был нелюдим, но я свидетель тому, как при крещении деточек озарялось радостью его лицо, как он улыбался венчающимся и как внимательно и серьезно смотрел на отпеваемых.

Я еще помнил то время, когда Алеша ходил бодро, выдвигая вперед правое плечо, и казалось, что всегда неутомим и бодр, будет служить, но нет, во всем Господь положил предел, Он милостив к нам и дает отдохновение: Алеша заболел, совсем занемог, даже ходить ему стало трудно, не то что служить, и он по неволе перестал помогать батюшке.

Никакой пенсии Алеша не получал, даже и не пытался оформить ее. Деньги ему были совсем не нужны. Он не пил, не курил, носил одну и ту же одежду и растоптанную обувь. Никакие отделы социального

обеспечения о нем и не вспомнили. А вот военкомат не забыл. К праздникам и к Дню Победы в храм приходили открытки, в которых Алешу поздравляли и напоминали, что ему надо явиться за получением награды. Присылали талоны на льготы на все виды транспорта. Но Алеша никуда не ходил и ничем не пользовался. Кто его видел впервые, дивился на его странную, нарушающую, казалось, порядок фигуру, но мы, кто знал его давно, любили Алешу, жалели, пытались заговорить с ним. Он отмалчивался, благодарил за деньги, которые ему давали, и отходил. А деньги, не вникая в их количество, тут же опускал в церковную кружку.

Мы видели, как тяжело он переживал свою немощь. С утра с помощью двух костылей притаскивал себя в храм, тяжело переступал через порог, хромал к скамье в правом притворе и садился на нее. Место его было напротив Распятия. Алеша сидел во время чтения часов, литургии, крещения, венчания и отпевания, если они бывали в тот день, а потом уже уползал домой. Певчие жалели его и просили батюшку, чтобы Алеша обедал с ними. Конечно, батюшка разрешил. Да и много ли Алеша ел: две-три ложки супа, полкотлеты, стакан компоту, а в постный день обходился овсяной кашей и кусочком хлеба. Иногда немного жареной рыбки, вот и все.

Во время службы Алеша шептал вслед за певчими, дьяконом и батюшкой слова литургии, вставал, когда выносили Евангелие, причастную чашу, когда поминали живых и усопших. Стоя на службе, я иногда взглядывал на Алешу. Его, будто траву ветром, качало словами распева молитв: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия», Заповедей Блаженств, «Херувимской», и, конечно, он вместе со всеми, держась за стену, вставал и пел «Символ веры» и «Отче наш». Я невольно видел, как он страдал, что не может встать на колени при выносе чаши со Святыми Дарами, при начале причащения.

Когда кончалась служба, батюшка подходил после всех к Алеше и благословлял его крестом.

А еще у нас в храме была такая бойкая старуха тетя Маша. Очень она была непоседлива. Но и очень богомольна. Объехала много святых мест и продолжала их объезжать.

— Да разве это у нас вынос плащаницы? — говорила она. — Вот в Почаевской лавре — там это вынос, а у нас как-то обычно. А что такое у нас чтение Андрея Критского? Пришли четыре раза, постояли, разошлись. Нет, вот в Дивеево, вот там это — да, там так продирает, там стоишь и рыдаешь. А уж Пасху надо встречать в Пюхтице. Так и возносит, так и возносит. А уж на Вознесение надо в Оптину. Вот где благодать. Там же и в Троицу надо быть. Сена накосят — запахи!

Когда Алеша был в состоянии сам ездить, она его упрекала, что он не посетил никаких святых мест, а мог бы — у него, фронтовика, льготы на все виды транспорта. Алеша только улыбался и отмалчивался. Думаю, что он никак не мог оставить службу в храме. А она у него была ежедневной. Даже в те дни, когда не было литургии, Алеша хлопотал в церковной ограде, помогал сторожу убирать двор, ходил за могилками у паперти. Тогда Маша, решив, чтоб зря не пропадали Алешины льготы, стала брать у него проездные документы. Поэтому, конечно, она так много и объехала. А уж когда Алеша совсем занемог, Маша окончательно взяла его проездные себе.

И вот Алеша умер. И как-то так тихо, так умиротворенно, что мы и восприняли очень спокойно его кончину. Я пропустил два воскресенья, уезжал в командировку, потом пришел в храм, и мне сказали, что Алеша умер, уже похоронили. Я постоял над свежим золотистым холмиком его могилы, помолился и пошел поставить свечку за его поминовение.

Пришел в храм, а на месте Алеши сидела Маша.

— Наездилась, — сказала она мне. — Буду на Алешином месте сидеть. Теперь уж моя очередь.

Потом какое-то время я долго не был в храме, опять уезжал. А когда вернулся и пришел на службу, на Алешином месте сидела новая старуха, не Маша. Оказывается, и Машу уже схоронили. И Алешино место освободилось для этой старухи.

— С Алешиного места — прямо в рай, — сказала она.

Часто я вспоминаю Алешу. Так и кажется иногда, что вот он выйдет со свечой, предваряя вынос Евангелия, или сейчас поднесет кадило батюшке, будет стоять, серьезный и сторбленный, при отпевании, и как же озарится его измученное, сморщенное лицо, когда закричит окунаемый в святую купель крещаемый младенец.

МОЛИТВА МАТЕРИ

«Материнская молитва со дна моря достанет» — эту пословицу, конечно, знают все. Но многие ли верят, что пословица эта сказана не для красного словца, а совершенно истинно и за многие века подтверждена бесчисленными примерами?

Отец Павел, монах, рассказал мне случай, происшедший с ним недавно. Он рассказал его, как будто все так и должно было быть. Меня же этот случай поразил, и я его перескажу, думаю, что он удивителен не только для меня.

На улице к отцу Павлу подошла женщина и попросила его сходить к ее сыну. Исповедать. Назвала адрес.

— А я очень торопился, — сказал отец Павел, — и в тот день не успел. Да, признаться, и адрес забыл. А еще через день рано утром она мне снова встретилась, очень взволнованная, и настоятельно просила, прямо умоляла пойти к сыну. Почему-то я даже не спросил, почему она со мной не шла. Я поднялся по лестнице, позвонил. Открыл мужчина. Очень неопрятный, молодой, видно сразу, что сильно пьющий.

Смотрел на меня дерзко: я был в облачении. Я поздоровался, говорю: «Ваша мама просила меня к вам зайти». Он вскинулся: «Ладно врать, у меня мать пять лет как умерла». А на стене ее фотография среди других. Я показываю на фото, говорю: «Вот именно эта женщина просила вас навестить». Он с таким вызовом: «Значит, вы с того света за мной пришли?» — «Нет, — говорю, — пока с этого. А вот то, что я тебе скажу, ты выполни: завтра с утра приходи в храм». — «А если не приду?» — «Придешь: мать просит. Это грех — родительские слова не исполнять».

И он пришел. И на исповеди его прямо трясло от рыданий, говорил, что он мать выгнал из дому. Она жила по чужим людям и вскоре умерла. Он даже и узнал-то потом, даже не хоронил.

— А вечером я в последний раз встретил его мать. Она была очень радостная. Платок на ней был белый, а до этого темный. Очень благодарила и сказала, что сын ее прощен, так как раскаялся и исповедался, и что она уже с ним виделась. Тут я уже сам, с утра, пошел по его адресу. Соседи сказали, что вчера он умер, увезли в морг.

Вот такой рассказ отца Павла. Я же, грешный, думаю: значит, матери было дано видеть своего сына с того места, где она была после своей земной кончины, значит, ей было дано знать время смерти сына. Значит, и там ее молитвы были так горячи, что ей было дано воплотиться и попросить священника исповедать и причастить несчастного раба Божия. Ведь это же так страшно — умереть без покаяния, без причастия. И главное: значит, она любила его, любила своего сына, даже такого, пьяного, изгнавшего родную мать. Значит, она не сердилась, жалела и, уже зная больше всех нас об участи грешников, сделала все, чтобы участь эта миновала сына. Она достала его со дна греховного. Именно она, и только она — силой своей любви и молитвы.

МЕНЯ НЕ ПУСТИЛИ В ЦЕРКОВЬ

Да, именно так. Не пустили. И кто? Русские солдаты. И когда? В День Победы. Заранее собирался пойти на раннюю литургию Девятого мая. Встал, умылся, взял написанные женой записочки о здравии и упокоении, еще приписал: «И о всех за Отечество павших», и пошел. А живем мы в начале Тверской, напротив Центрального телеграфа. И надо перейти улицу. Времени было половина седьмого. Вся улица была заставлена щитами ограждения. За ограждением стояла уже боевая техника: современные танки, также и танки времен войны. Рев их моторов мы слышали все последние недели на репетициях парада. Я подошел к разрыву в ограждении. Но меня через него к подземному переходу не пустили. «Я в церковь иду». — «Нельзя!» — «Но я же в церковь, я тут живу, вот паспорт». — «После парада откроют». — «Милые, еще до парада почти четыре часа». — «Отойдите».

Вот так. Сунулся к переходу у Моссовета — закрыто. К Пушкинской — бесполезно. Вот такие дела. И смотреть на всю эту боевую мощь не захотелось. Меня же не пустили, когда я шел молиться, в том числе и за воинов нынешних.

— Вы что, не православные?

— Приказ — не пускать!

Такие дела. Конечно, я вернулся. А все ж горько было. Конечно, плохой я молитвенник, грешный человек. Но вдруг да именно моя молитва была нужна нашей славной Российской армии?

Вот так вот. И смотрел парад по телевизору. Человек в штатском, без головного убора, называемый министром обороны, объехал выстроенные войска, ни разу им не козырнув, выслушав их трехкратное «ура», подъехал к трибуне и доложил об их к параду готовности главнокомандующему, тоже в штатском, тоже обошедшемся без отдания чести, ибо, как нас учили в армии, «к пустой голове руку не прикладывают».

Грянул парад. Дикторы особенно любовно отмечали в комментариях марширующих иностранцев. Потом проревела техника. А потом, прямо над крышами, понеслись самолеты. Некоторые невероятной величины. Диктор сказал, что если бы они еще снизились на десять метров, то все бы стекла в окнах и витринах вылетели.

Потом горечь прошла. Цветы, ордена, дети, музыка. Что ж, значит, не заслужил я великой чести помолиться о живых и павших в храме. Встали с женой перед иконами в доме и прочли свои записочки. И пошли на улицу, и ощутили, что Победа 45-го достигла и до нас.

БРАТЯ СТАРОВЕРЫ

В конце шестидесятых годов прошлого века, когда в СССР сталинское отношение к религии начинало сменяться хрущевскими гонениями, я, совсем мальчишкой, работал после школы в районной газете. И редактор послал меня сделать материал с заседания бюро райкома КПСС. А там обсуждался вопрос об исключении из членов партии бригадира одного из колхозов. Свою веру в Бога он не отрицал, не калялся и, когда члены бюро проголосовали за его исключение, положил партбилет и молча вышел. Рядом со мной сидел знакомый председатель колхоза. Он попросил меня догнать этого человека и сказать, чтобы тот подождал его. Спустя месяц я узнал, что исключенный работает у этого председателя завхозом. Мне председатель сказал:

— Меня потащили на ковер: зачем взял на работу? Немедленно уволь. Я отвечал: можете и меня исключить, а такого завхоза я вам не отдам. Почему? Он же старовер, а они копейки чужой не возьмут. Пойди найди честного завхоза.

И еще воспоминание. Тоже из юности. В районе было много староверов, но вот ночевать у себя в деревне они не оставляли. Раз даже, помню, в деревне Кержаки попросил напиться, хозяйка вынесла воду в черепушке, я напился, вернул ее, а хозяйка черепушку выбросила. По-моему, даже демонстративно. Видимо, она почувствовала запах табака, я по дурости тогда курил.

Название Кержаки, конечно, от реки Керженец, куда уходили первые волны гонимых сторонников протопопа Аввакума. Их называли раскольниками. Это более чем несправедливо. Какие же они раскольники? Что они раскалывали? Они хранили ту веру, которую получили от отцов и дедов. Кто их убеждал в том, что какие-то исправления в обрядности, в текстах Священных книг, чтобы не уклониться от чистоты полученной из Византии веры, необходимы? Что еще задолго до патриарха Никона преподобный Максим Грек, ученейший монах Святой Горы Афон, приглашенный в Москву для переводов с греческого на русский, говорил о некоторых неточностях русских текстов, уже вошедших в церковную жизнь. За что, кстати, много перестрадал.

Раскол у нас был, это раскол, названный по имени архиепископа-обновленца Григория (Яцковского) григорианским. Это конец 1925 года. Григорианцы исполняли директиву ОГПУ «ускорить проведение намечившегося раскола среди тихоновцев». В апреле следующего года Антицерковная комиссия ЦК ВКП (б) постановила: «Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной». И по всей стране шли аресты, расстрелы и ссылки именно православного священства. На сторону обновленцев переходили многие. Вот это был раскол так раскол, угрожавший, по сути, существованию Православной церкви в России. И подчинение остатков ее Ватикану, который жадно ждал результатов раскола. Но не вышло ниче-

го ни у большевиков, ни у Ватикана. И последствия раскола вскоре стали неошутимы, чему во многом содействовал приход патриарха Сергия на патриарший престол и чистосердечное раскаяние многих раскольников-обновленцев. А послание Сергия помогло прекратить действие всяких легатов и нунциев Ватикана в СССР.

Теперь уже и Русская православная Зарубежная церковь едина с Русской православной церковью. Вроде и катакомбники уже на поверхности. Но вот все никак не можем мы братски обняться с братьями по вере, старообрядцами.

Почему? Очень сильна у них обида и на царское, и на советское государство, на священноначалие, на большевиков, на коммунистов.

Но и в самом деле: гонения, тюрьмы, ссылки, казни, сжигание заживо... все прошли приверженцы старой веры. Православных они называют нововерами, никонианами и готовы вновь страдать и умирать за двоеперстие, за «посолонь», за бороды. Крепость их веры сродни фанатизму, они уверены, что спасение можно получить только пребывая в вере Аввакумовой. Именно он, по преданию, возвысил двоеперстие из горящего сруба и возгласил: «Будете таким крестом молиться, не погибнете во веки». Спросим: а нам, что, погибать со своим троеперстием? И, значит, напрасны все жертвы, реки крови, пролитые православными за Христа во все времена богоборчества? И разве не уязвляет наше сердце Аввакумово название православного креста польским крыжем?

Да, велик Аввакум в своем неистовом желании сохранить старую веру. Велики старообрядцы, пронесшие через века святость семьи, трудолюбие, здоровый образ жизни. Может быть, этому помогло их воинственное отмежевание от мира? Но они были, так или иначе, в государстве. И когда наступали войны, когда государству были нужны солдаты, как было не считать укрывавшихся в лесах людей призывного